

О. Н. БАДЕР

НОВЫЙ ТИП НЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ НА УРАЛЕ

Своеобразный тип древнего поселения, о котором пойдет далее речь, обнаружен в недавних раскопках автора в 12 км к западу от г. Нижнего Тагила Свердловской области, произведенных по поручению Нижне-Тагильского музея краеведения в 19 и 1945 годах.

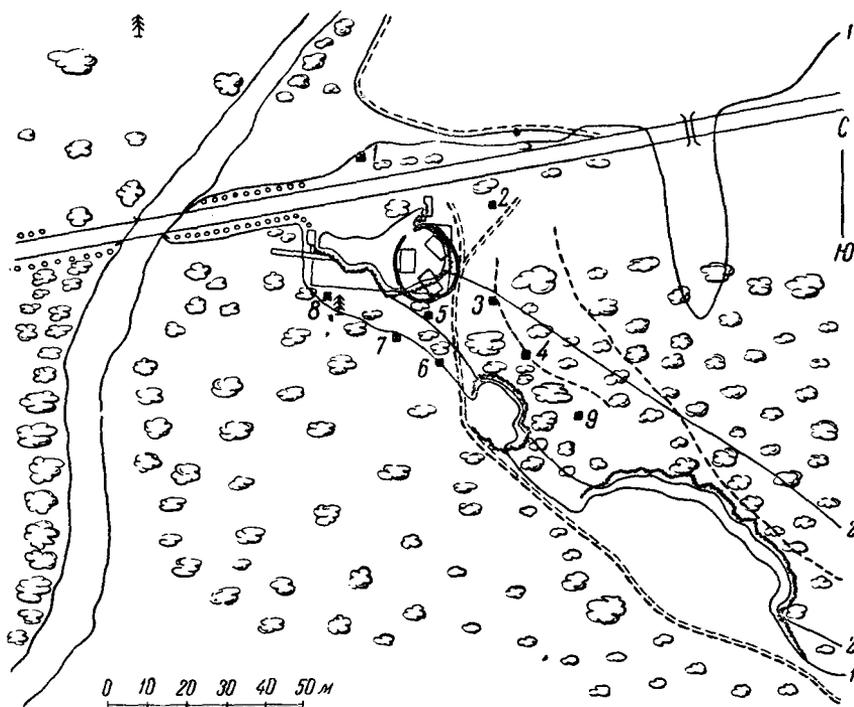

Рис. 1. План неолитической стоянки на р. Полудёнке; в центре — реконструкция жилого комплекса. Цифрами обозначены номера пробных шурфов.

Стоянка расположена на дне обширной, в настоящее время безлюдной горной долины, лесистой, частью заболоченной, в самом конце узкой, пологой и невысокой грядки, сложенной хрящом, в том месте, где эта грядка подходит к небольшой реке Полудёнке. Полудёнка принадлежит к обскому бассейну, тогда как за соседними горами — Елевой и Столбовой, где Полудёнка берет начало, ручьи и реки стекают в бассейн Волги, в Чусовую. Хрящ, подстилающий культурные отложения стоянки, является золотоносным, благодаря чему и площадь памятника, и ее ближайшие окрестности с давних пор изрыты золотоискателями.

На памятнике, расположенном в местности, известной под именем «Чудские бугры», еще в 1837 г. учителем И. М. Рябовым, а в 1845 крепостным человеком завод-

чиков Демидовых Д. П. Шориным был раскопан погребальный курган с деревянным срубом внутри и с железными предметами. Раскопки были повторены в 1924 г. тагильскими краеведами, причем были обнаружены ранняя керамика и каменные орудия, послужившие автору в 1944 г. основанием для определения памятника как неолитической стоянки, случайно совпавшей с более поздними курганами, и для организации специальных раскопок стоянки.

Как удалось выяснить раскопками, рекогносцировочной шурфовкой и обследованием частично испортивших памятник дорожных карьеров, площадь распространения культурного слоя стоянки может быть выражена цифрой 4000 м² (рис. 1). Эта площадь довольно велика, но все же не выходит за пределы нормы для неолитических поселений в Средней России. За два года нам удалось вскрыть на памятнике всего около

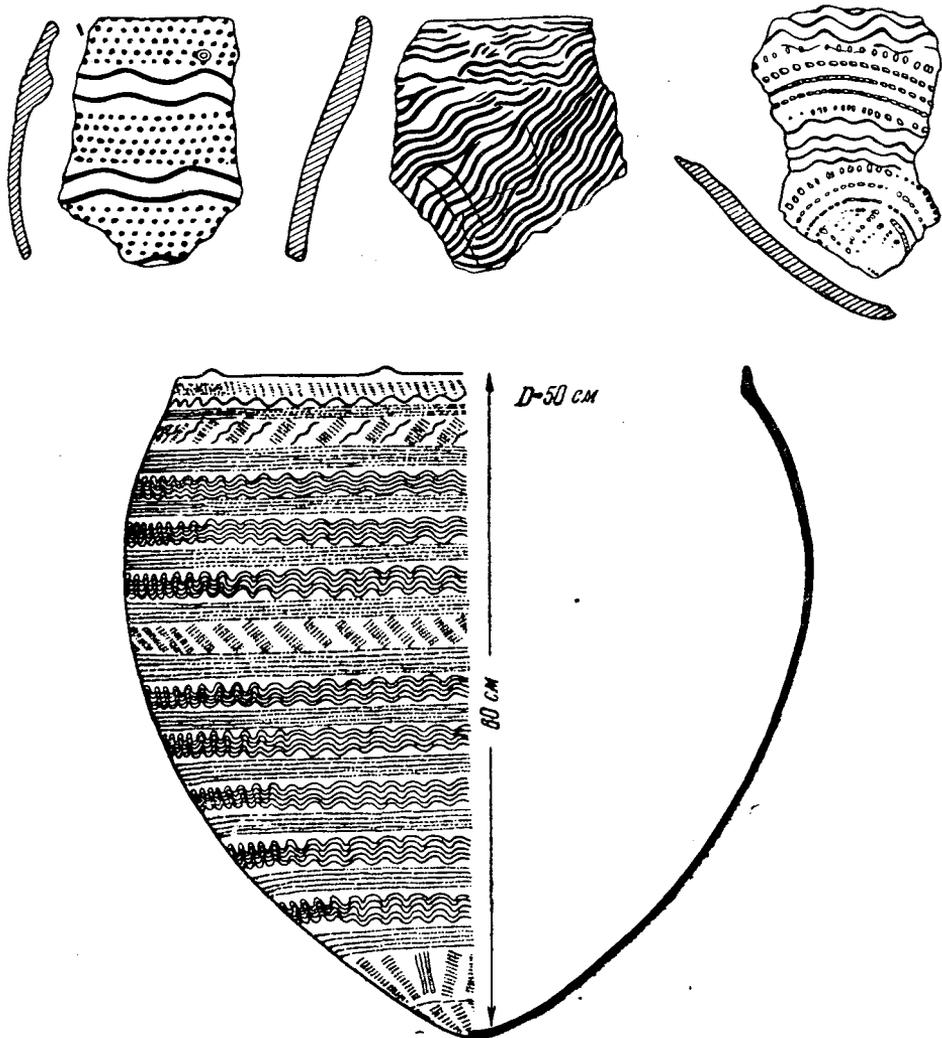

Рис. 2. Керамика Полудёнской стоянки

250 м², но результаты вскрытия были чрезвычайно удачны. Стратиграфия культурных отложений несложна: на упомянутом выше хряще — крупнозернистом песке с галькой — залегает почти черный культурный слой, глинисто-песчаный, с примесью большого количества камней. Выше он переходит в культурный слой той же структуры, но не черного, а коричневого цвета, перекрываемый тонким дерновым слоем. Общая мощность культурных отложений в основной части памятника равна в среднем 0,5 м, из которых от 20 до 25 см падает на верхний коричневый горизонт, остальное — на черный.

Однако уже в поле стало ясно, что материал из коричневого слоя не отличается от материала из черного, и результаты лабораторного анализа всецело подтвердили этот вывод. Аналогичное явление не раз наблюдалось нами на древних стоянках Оки и Верхнего Поволжья. Надо думать, что разница в расцветке толщи культурных отложений всех этих стоянок объясняется не чем иным, как почвообразовательными

процессами, воздействовавшими в течение многих столетий на верхний горизонт культурных отложений после того, как поселение было покинуто его обитателями и покрылось растительностью. Целый ряд фактов, наблюдавшихся при раскопках, служит основанием для этого вывода¹.

Материальная культура Полудёнской стоянки по характеру своих основных форм является типично неолитической. Она состоит из крупной глиняной посуды полуяйцеобразной формы, покрытой своеобразным волнисто-гребенчатым штампованным орнаментом (рис. 2), отличающим эту керамику от гребенчатой неолитической керамики Прикамья и ямочно-гребенчатой керамики Средней и Северной России. На одном из фрагментов — рельефное изображение головы животного с ушами, глазами и ноздрями. Каменные орудия из кремня, молочнобелого кварца, кварцита, горного хрусталя, зеленатоватого нефрита и других пород весьма многочисленны, в то время как вообще обнаружено следов металла. Наконечники стрел разнообразны по формам (в том числе — шлифованные), характеризуют развитую охоту. Среди остатков фауны — резко преобладание костей лося. Многочисленны крупные полированные ударные орудия: топоры, клинья, теса и вогнутые долота — типичная черта неолита лесных областей. Имеется шлифованный короткий нож и шлифованный кинжал. Скрепки, проколки, ножи многочисленны и разнообразны по формам. В очажной, углистой прослойке бы найден орнаментированный кусок бересты.

Культура Полудёнской стоянки отличается известным своеобразием, придающим ей значение особой ископаемой племенной культуры. Имея общее с соседней Горбуновской береговой стоянкой, исследованной Д. Н. Эдингом² и относимой П. А. Дмитриевым³ к шигирской культуре с общей датой от середины 2-го тысячелетия до н. э. и до VIII в. до н. э., Полудёнская стоянка по ряду признаков⁴ является более древней, характеризуя неолитический субстрат, на котором шигирская культура возникла в этих районах. Время ее основного комплекса определяется как вторая половина 3-го тысячелетия до н. э., что делает ее одним из наиболее древних неолитических памятников, известных на Урале.

Но в прибрежной части поселения обнаружено небольшое количество керамики более позднего облика, имеющей общее с сейменской и андроновской культурами бронзовой эпохи⁵. Это обстоятельство заставляет продлить дату Полудёнского поселения по крайней мере до середины 2-го тысячелетия до н. э. Однако позднейшая керамика не распространяется на основную часть поселения и характеризует, видимо, лишь незначительный позднейший эпизод в истории памятника.

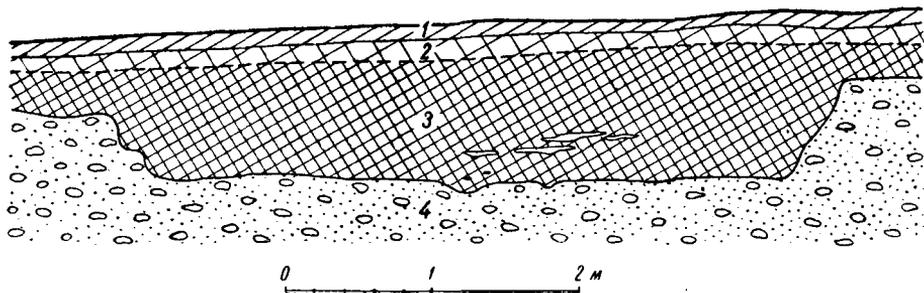

Рис. 3. Поперечный разрез жилища 1-го

Теперь, когда определены культурный характер и время Полудёнского поселения, перейдем к характеристике обнаруженных на нем сооружений.

В северной, основной половине поселения, близкой к реке и отличающейся наиболее интенсивным культурным слоем, были исследованы хорошо выраженные остатки двух жилищ-полуземлянок. В свете фактов, известных нам о древних жилищах этой

¹ О. Н. Бадер, Неолитическая стоянка на р. Полудёнке близ Тагила, условия ее расположения, стратиграфия и некоторые вопросы палеогеографии Урала. Рукопись.

² Д. Н. Эдинг, Резная скульптура Урала, 1940.

³ П. А. Дмитриев, Охота и рыболовство в восточноуральском родовом обществе, Изв. ГАИМК, вып. 106, 1934.

⁴ О. Н. Бадер, Новые раскопки близ Тагила в 1944 г. «Краткие сообщения ИИМК», XVI, 1947.

⁵ Там же.

части Урала да и Русской равнины, форма их явилась неожиданной: жилища оказались не круглыми, а четырехугольными.

Первое жилище оказалось углубленным в грунт от 48 до 70 см и на 1,05—1,20 м от современной поверхности в зависимости от несколько наклонной поверхности земли. Дно его совершенно плоское, стенки относительно крутые, хорошо выраженные (рис. 3). Форма четырехугольная, с четко очерченными углами (рис. 5). Максимальная длина сохранившейся цельной стенки на уровне поверхности грунта 5 м, по дну — 4,60 м. Максимальная длина примыкающих к ней, разрушенных карьером стенок — 4 м. Благодаря разрушению карьером форма и размеры не могут быть определены с точностью; жилище могло быть квадратным со сторонами в 4,6—5 м, но оно могло быть и несколько удлиненным.

Второе жилище сохранилось лишь в виде восточного угла, стороны которого с несомненностью указывают также на его четырехугольную форму (рис. 4). Глубина дна жилища от поверхности грунта — 0,30 м. Дно плоское, горизонтальное, как и в 1-м жилище. Стенки вертикальные. Интересной конструктивной особенностью этого жилища являются длинные канавки — углубления глубиной от 10 до 20 и более сантиметров под уровнем дна и шириной от 12 до 25 см; эти канавки, обладая крутыми стенками (рис. 4), тянутся непрерывно вдоль стенок жилища и заполнены интенсивноокрашенным культурным слоем. Очевидно их следует расценивать как следы вертикальных деревянных стен, в этом жилище несколько углубленных в дно.

Возвратимся к 1-му жилищу. Черный культурный слой, заполняющий впадину полуземлянки, имеет обычный для остальной площади характер, в особенности в верхней части. Следует отметить небольшое количество культурных остатков, в особенности крупной и соединяющейся керамики; наконечники стрел и скребки встречались здесь преимущественно на контакте черного и коричневого слоев, как, впрочем, и на многих других участках раскопок этого года.

Но местами, в особенности в восточном углу землянки, в среднем горизонте ее и у дна располагались мощные и чрезвычайно интенсивные очажные слои. Они начинались в сантиметрах 70 от поверхности и шли почти до дна или до самого дна. Местами они имели 40 см сплошной мощности.

Эти очажные слои состояли из пережженной земли желтого, оранжевого, коричневого, малинового цветов, местами почти белого от примеси золы, местами черного от примеси угля, насыщенной красной прокаленной галькой, мелко раздробленными в пережженными костями, среди которых лишь изредка попадаются морфологически определимые фрагменты; среди последних определен лось; мелкие животные почти не представлены.

Очажные слои выглядят как беспорядочные скопления, а не как правильно оформленный очаг. Возможно, что сюда просто сбрасывали золу с очага или же очаг не был оформлен, а представлял собою простой костер. В землянке найдены лишь два крупных камня, далеко друг от друга.

На дне землянки почти повсеместно прослеживается черный компактный, угли-

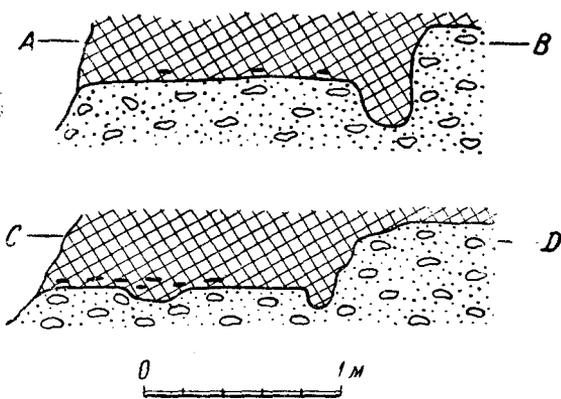
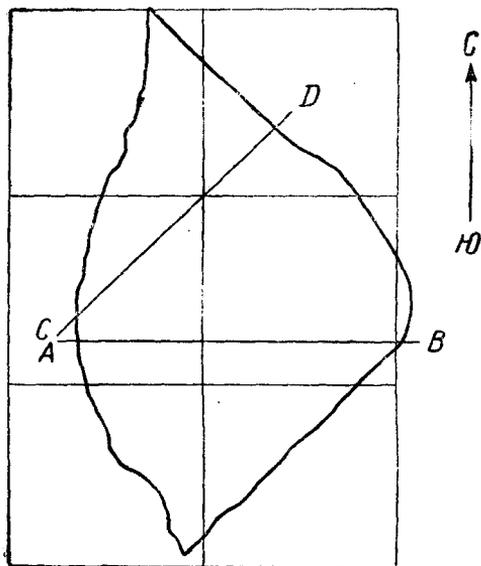

Рис. 4. План и разрезы сохранившейся части жилища 2-го

стый слой толщиной в 2—4 см, лежащий прямо на речной гальке материкового грунта. Он представляет собой плотный конгломерат из угля, полусгнивших мелких косточек кусочков обожженной древесины, древесной коры, листьев (береза?).

Находки обугленной бересты особенно интересны. Они начинают попадать с глубины 60 см от поверхности и наиболее часты на глубине 80 см. Обнаруживаясь обычно отдельными, частью крупными кусками в одном месте, на участках ст/6 в глубине 30 см под грунтом и на высоте 40 см над дном, береста лежала почти непрерывной полосой на длину до 2,25 м, располагаясь параллельно юго-западной стене жилища на расстоянии около 80 см от нее (рис. 5). Такое ее положение и пружинность заставляют считать его остатками сгоревшей и обвалившейся внутрь берестяной крыши жилища. Береста сильно покороблена от жара, частью обуглена. Местами она лежала тремя-четырьмя слоями, плотно прилегающим друг к другу, причем положение в локах каждой пары смежных слоев взаимноперпендикулярно.

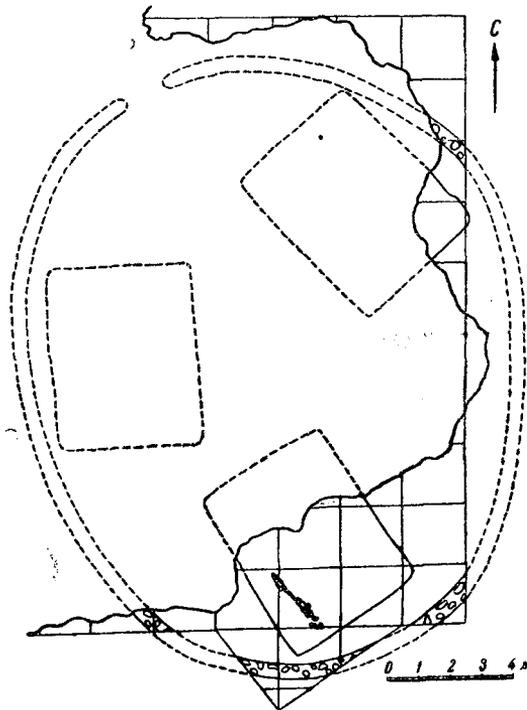

Рис. 5. План изученных частей и реконструкция жилищ и ограды в центральной части Полуёнской стоянки

южного угла 1-го жилища при зачистке поверхности материкового грунта была обнаружена древняя канавка шириной в 50 см, заполненная культурным слоем. Она была слабо выгнута от жилища и, исчезнув в юго-восточной стенке раскопа, появилась вновь в юго-восточной части участка ф/6, а затем на участке ф/13, 14 на расстоянии почти метра от стенки 2-го жилища. Она же установлена в юго-западной части раскопа 1945 г. в участке пр/6, на краю карьера. Расположение и направление указанных отрезков позволяют дополнить меньшую, недостающую часть образующей ими фигуры, разрушенную карьером, и замкнуть их в единое целое в виде овала с большим диаметром в 20 и малым в 16 м, причем остатки жилища оказываются тесно вписанными в этот овал (рис. 5).

Все вышесказанное приводит к выводу, что мы имеем здесь следы прочной деревянной ограды, окружавшей постоянные зимние жилища в центре поселения. Вероятно, между расположенными в шахматном порядке столбами, врытыми в землю, были вдвинуты плотно прилегающие одна к другой тонкие слепи, а чтобы вертикальные столбы не расходились, они скреплялись между собою переплетом из ивовых или еловых прутьев (?), в особенности у верхних концов.

Общий план всего комплекса сооружений реконструируется с относительной достоверностью. Прежде всего это следует сказать о плане ограды (рис. 5). Внутри нее сохранились остатки лишь двух жилищ, но вряд ли приходится сомневаться, что их было больше. Если жилища были минимальных размеров, т. е. имели квадратную форму со стенами длиной в 4,6—5 м, то и тогда внутри ограды без крайней, неправдоподобной тесноты четыре жилища не вмещаются. Поэтому мы в предлагаемой реконструкции помещаем всего 3 жилища, притом не квадратных, а несколько вытянутых, 4,6 × 6 м, что почти не меняет дела (рис. 5). Проход в ограде следует помещать со стороны реки.

Уровень залегания описанных пластов бересты совпадает с поверхностью интенсивного очажного слоя в среднем около 70 см под поверхностью почвы и 40 см над дном жилища. Это обстоятельство позволяет считать указанный горизонт соответствующим моменту гибели жилища, а вышележащую 70-сантиметровую толщу культурного слоя, равномерно окрашенную, без очажных прослоев, расценивать как последующее запорение впадины уже покинутого жилища. Возможно, что по соседству это время существовали другие жилища.

В сохранившейся части 2-го жилища, в углистом слое, сделана речная находка: фрагмент обожженной бересты с чешколькими сквозными отверстиями и с резными краями украшенными мелкими зубчиками; видимо, этот фрагмент в свое время являлся частью берестяной нашивки — украшения на каком-то более крупном предмете.

Теперь переходим к описанию чрезвычайно интересной особенности, установленной раскопками на Полуёнке. На расстоянии 35 см от

В связи со слабым углублением жилищ в землю и наличием продольных углублений вдоль стен во 2-м жилище следует полагать, что жилища имели невысокие вертикальные стены, вероятно бревенчатые. Покрытие было из бересты, положенной в несколько слоев — на два или четыре ската. Возможно, что внутри ограды были также ямы-хранилища на разрушенной карьером площадке.

Численность населения каждого жилища, если исходить из этнографических примеров для этой стадии развития, говорящих о большой тесноте, может определяться в 12—16 человек. Следовательно, в трех одинаковых жилищах описанного жилого комплекса обитало всего человек 40 и не более 50. Предполагать наличие на стоянке второго синхронного аналогичного комплекса нет оснований, исходя из характера родовых поселений на этой стадии. За пределами ограды, на площадке перед рекой, обнаружены небольшие ямы, могущие иметь отношение к легким, летним жилищам.

Однако было бы неправильно ставить в зависимость цифру населения внутри ограды с общей площадью распространения культурного слоя: 4000 м². Дело в том, что после разрушения жилищ внутри ограды поселение продолжало существовать, жилой центр его переместился и культурный слой мог в связи с этим частично переместиться на новую, ранее не занятую площадь.

Как бы то ни было, но на Полудёнке мы имеем картину неолитического поселения, центром которого являлись три тесно расположенные четырехугольные бревенчатые полуземлянки, окруженные прочной деревянной оградой. Эти здания служили постоянными, зимними жилищами, и вместимость их определяет общее число населения этого поселка, как равное примерно полусотне человек. Вокруг ограды, в особенности на площадке со стороны реки, в летнее время располагались легкие сооружения типа берестяных балаганов или чумов, благодаря чему образование дошедшего до нас культурного пласта захватило немалую площадь.

Обнаруженная на Полудёнке поселении деревянная ограда вокруг жилищ является первым случаем для неолита Европейской России и Сибири, чем определяется большой научный интерес этого открытия. Однако мы знаем, что на этой стадии культуры — на нижней ступени варварства, — судя по данным этнографии, ограждение поселений практикуется достаточно часто. Таковы, например, поселения целого ряда племен индейцев Северной Америки, что не раз заставляло европейцев заниматься их правильной осадой.

Вполне вероятно, что ограда вокруг Полудёнского поселения не должна представлять нам в качестве столь обособленного факта, как это может показаться с первого взгляда. Подобные ограды могли быть и на многих наших неолитических стоянках, подвергавшихся раскопкам, но просто не были раскопками прслежены. Стремление обезопасить, защитить свои жилища нередко видно и у неолитического населения Волго-Окского края. Так, еще В. А. Городцов совершенно правильно подметил, что «если... берег излучист или перерезан под углом впадающими притоками, то стоянки сосредоточиваются в вершинах излучин и углов, получая таким образом естественную ограду с нескольких сторон». На Оке и на озерах Волго-Окской области нередки островные неолитические стоянки, притом расположенные чаще на островках очень небольших размеров; культурный слой на таких стоянках обычно насыщен особенно густо остатками. Перенесение поселений на такие островки трудно объяснить какими-то особыми выгодами для рыболовства по сравнению с береговыми стоянками; в то же время оно имело ряд очевидных и существенных неудобств, и об истинных причинах устройства поселений на изолированных островках не может быть двух мнений.

Одним из наиболее известных примеров такого островного поселения является Дубровицкая стоянка на Оке. Плоская поверхность островка с искусственно укрепленными краями была крайне мала — всего 50 × 60 аршин, и жилища располагались на ней в большой тесноте. Все удобства обитания на берегу, в том числе удобства для изо дня в день ведущейся охоты, были обитателями Дубровицкой стоянки явно принесены в жертву изолированному положению их жилищ на маленьком островке, обеспечивавшему их от внезапного нападения и облегчавшего оборону.

У индейцев потребность в защите являлась первым руководящим началом при определении самого положения поселения. Так, например, в области Огайо острова и мысы застраивались всего охотнее⁶. Без сомнения, ограждение неолитических поселений, в особенности небольших, как Полудёнка, в известной мере диктовалось также стремлением обезопасить жилую площадку от зверей.

Прямоугольная форма жилищ на Полудёнке является здесь неожиданной. На стоянках Среднего Урала жилища уже не раз встречены, и жилищам зауральских стоянок посвящена посмертная работа П. А. Дмитриева⁷. Для поселений горно-озерного района Среднего Урала, принадлежащих к шигирской культуре, достоверно изучены пока лишь три полуземлянки на стоянке «Калмацкий Брод» под Свердловском, относящейся ко времени от 1300 до 700 лет до н. э.⁸ Все три жилища круглые, с диаметром в 6,5—7,5 м. На Горбуновской береговой стоянке, относящейся к

⁶ Ратцель, Народоведение.

⁷ П. А. Дмитриев, Землянки зауральских стоянок, «Материалы и исследования по археологии СССР», II, 1945.

⁸ П. А. Дмитриев, Раскопки стоянки «Калмацкий Брод» на р. Исети, Свердловск, 1934.

той же шигирской культуре⁹, несмотря на очень большую вскрытую площадь, жилищ не обнаружено¹⁰. Казалось бы, что на соседней Полудёнской стоянке, близко по культуре и несколько более древней, жилища должны быть круглыми, как мы имеем это для неолита огромных территорий средней полосы нашей Родины,— но они оказались четырехугольными.

Пытаясь найти аналогии, необходимо упомянуть о прямоугольных полуземлянках Липчинской и 2-й Андреевской стоянок, исследованных также П. А. Дмитриевым. Но оба эти поселения находятся в ином, лесостепном, равнинном районе междуречья Туры и Исети, недалеко от Тюмени, относятся к другой культуре и к более позднему времени, когда здесь могли сказаться влияния соседней степной андроновской культуры.

Недалеко от Полудёнки, но по другую сторону Уральских гор прямоугольные жилища не так давно были открыты Н. А. Прокошевым на Астраханцевской стоянке близ г. Молотова¹¹. Однако и здесь время более позднее, судя по яйцевидной керамике с зубчатым сейменско-турбинским орнаментом, благодаря чему вероятнее, что прямоугольная форма жилищ не имеет здесь глубокого местного генезиса, но являлась недавно заимствованной с юга.

Приходится согласиться с П. А. Дмитриевым, что «в нашем распоряжении нет достаточного материала, чтобы говорить об определенных этапах развития жилищ на Восточном Урале и в междуречье Туры и Исети»¹².

Однако наличие прямоугольных жилищ на наиболее древнем неолитическом поселении Среднего Урала, каким является Полудёнка, позволяет высказать предположение, не является ли эта особенность характерной чертой для обширной территории, лежащей к северу. В этой связи приобретают особый интерес большие четырехугольные землянки, обследованные В. Н. Чернецовым и С. Г. Бочем на Северном Урале в таежной полосе Приобья, в верховьях р. Ляпин, притока Северной Сосвы. Это интереснейшее поселение является одним из наиболее ранних из известных нам памятников этой области и относится к позднему неолиту¹³. Оно расположено на песчаном мысу ныне заросшего озера и «состояло из прямоугольных землянок, от которых осталось около двадцати ям. Некоторые из этих ям выделяются своими размерами. Так, площадь одной составляет 625 кв. м, при длине и ширине по 25 м. Другая примерно равной площади имеет в длину 28 и в ширину 22 м. Три других, несколько меньших, имеют по 20 м в каждой стороне. Прочие землянки не превышают площади в 100 кв. м. Глубина самых больших землянок достигает 3 м». В 1935 г. указанными исследователями была разведана одна из небольших землянок. «В ней обнаружены долота, тесла, стрелы и ножи, шлифованные из твердого сланца, скребочки и отщепы из кремня и кварца. Глиняные сосуды имели яйцевидное днище, выделялись способом налепа и от края до донышка были сплошь покрыты гребенчатым орнаментом.

Судя по органическим остаткам, обнаруженным в культурном слое, занятиями обитателей землянок были охота и рыболовство, причем едва ли не главнейшим объектом охоты был лось». В сопоставлении с фактами, обнаруженными на близкой по культуре Полудёнке, мы получаем возможность говорить о существовании своеобразной неолитической культуры на обширных пространствах лесного Зауралья, наиболее полно представленной описанным здесь памятником.

Разрешение вопроса о генезисе различных типов жилищ на Урале требует прежде всего нового фактического материала.

⁹ П. А. Дмитриев, Раскопки стоянки «Калмацкий брод» на р. Исети.

¹⁰ Д. Н. Эдинг, Указ. раб.

¹¹ Н. А. Прокошев, Жилища эпохи бронзы в Пермском Прикамье, «Краткие сообщения ИИМК», II, 1939.

¹² П. А. Дмитриев, Землянки на зауральских стоянках, 1945.

¹³ В. Н. Чернецов, Очерк этногенеза обских югров, «Краткие сообщения ИИМК», IX, 1941.